

РАССКАЗЫ О СИБИРСКИХ ЖИТЕЛЯХ

Подвиг советского солдата. Послевоенные годы-стройка, затопление.
Возникновение Братского острога, становление села Коновалово

15 ОКТЯБРЯ 2025 Г.

АВТОР:
Петр Георгиевич Бережных

Эти небольшие рассказы я посвящаю своим землякам, которые осваивали эти земли, восстанавливали жизнь в послевоенной поре, тем, кто стоял у истока рождения Балаганского острога и моего родного села Коновалова. Тем незаметным и скромным работягам что трудились с утра до ночи, не жалея сил, чтобы будущие поколения жили более лучшую и спокойную жизнь.

О моих земляках

(Полная версия рассказа)

Первый послевоенный год в Сибири выдался очень засушливым, даже в Ангаре воды стало намного меньше.

Лодки привязывали далеко от берега в маленькой заводи. Утром дед Володя Лемещенко, собрав старые сетюшки, решил порыбачить на Курье. Проплывая мимо огородов, которые выходили к реке, ругался, что лето без дождей, и картофельная ботва засохла раньше времени. Сенокос нынче не богат, как будем выживать зимой, чем кормить скот?

Силосу заготовили мало, да и зерновые обещают скудный урожай. Значит, и соломы будет не очень густо.

Невестка деда Володи Катерина, подоив коров проводив их в стадо ворчала на деда:

- Мог бы и сам проводить коров,

-Знает, что мне на работу рано надо. Работала она на колхозной заправке, принимала и учитывала солярку, масла, прочие смазочные материалы. Когда начиналась страда, она два раза в день, утром и вечером, развозила на поля, где работала техника, солярку, масло, солидол.

Катерина запрягла коня, приехав на заправку заполнила двухсотлитровую бочку солярки, поставила на телегу ёмкость с маслом и поехала на поле. Ей надо успеть на пересменку заправить трактора. В ночную смену пахали пары на «колесухах» её подружки Любаша Кузнецова и Валя Костина, которые уже ждали и делали перетяжку на своих железных "конях".

Бригадир Василий Коновалов провёл разнарядку, определил каждому работу, собирался в Коновалово в МТС: нужно было узнать, сколько отправят в его бригаду зерновых комбайнов для уборки хлебов. Засуха засухой, а хлеба косить надо.

Конь Василия резво бежал по проселочной дороге, изредка переходил с рыси на

шаг. Приехав в контору МТС, бригадир направился в кабинет механика Григория Филимонова, с которым водил дружбу, приветствуя, сразу спросил: «Сколько выделили в его бригаду комбайнов, готовы ли они?»

Митрофаныч ответил ему: «Как обычно, два, но вот трактора ещё пашут пары в Метляево, и он не знает их техническое состояние».

После конторы Василий заехал на нефтебазу, узнал, какой лимит горючего и масел выделили на уборочную в его бригаду, забрал на складе кое-какие запчасти, поехал не в деревню, а по местам, где трудились колхозники. По пути заглянул на поле, там женщины косили серпами и вязали в снопы озимую рожь, молодые парни укладывали снопы в телеги и увозили на стан на площадку, где скоро их будут обмолачивать и засыпать зерно в склад. Ловко этой работой руководила женщина Варвара Семенцова. Она сама могла быстро запрягать коня, рубить в лесу сухостой на дрова и уложить любой воз на телегу или санирозвальни зимой.

Кухарка Мария сварила суп на костре в большом котле и стала звать на обед женщин и парней. Решил пообедать и Василий. Он частенько обедал в поле и нахваливал Марусю за вкусный суп и крепкий ароматный чай, приготовленный с дымком на костре. Женщины, пообедав, ушли на речку, а парни закурили и прилегли в тенечке под березой, стоявшей рядом с полем. Говорили о фронтовиках, которые ещё не вернулись домой, о тех, кто уже не вернется... О некоторых даже и не знали, где сложили они свои головушки... Разговор их прервал подъехавший водовоз - дед Гриша Зеленчуков. Парни набрали холодной ключевой воды в деревянный логушок, напились и принялись за работу. Попил и Василий, наказывая деду Грише, чтобы он два раза привёз воды и залил бочки на поле, где пашут два трактора. натружено гудя моторами. В дневную смену пахали Катя Барабанова и Ольга Ермакова. Подъехав к ним, Василий передал запчасти. поговорил, как работа, и поехал дальше на стан, где ремонтировали сложную молотилку кузнец Александр Воротков и слесарь Петр Жеребцов. Проверив, как у них идёт ремонт, спросил, когда будет молотилка готова к работе. "Завтра можем приступать к обмолоту, - сказал

Петр, - Только надо ещё двух крепких мужиков подобрать для подачи снопов".

"Назначу фронтовиков Николая Калганова и Василия Белошапкина «, - подумал Василий. Солнце опустилось к закату, когда Василий приехал домой, распряг коня в ограде и выпустил его на луг у Ангары. Рабочий день закончился, вечерело, у клуба заиграла гармонь, слышно было, как девушки пели песни, которые эхом уносились вниз по ночной Ангаре.

Покурив, Василий умылся холодной водой, поужинав, прилег в сенях на кровать и сразу заснул крепким сном, как ребенок в люльке. Что ему снилось? Я не знаю, но думаю, наверное завтрашний день, семнадцати-восемнадцатилетние девушки из его бригады, которые завтра будут также трудиться, как и мужчины, не покладая рук, на благо своей Родины, своего народа!

Конец августа, утрами от Ангары поднимался густой туман как бы предупреждал, что скоро наступит горячая пора, самый ответственный момент в жизни колхоза. Первая уборочная страда после военного лихолетья. Все знали, что она будет такой-же не лёгкой, как и все года. Забрезжил рассвет, Василий открыл глаза- светает, пора вставать...Умывшись он присел у края стола на лавку хотел, что то сказать жене: -Но не успел открыть рот как услышал её слова в свою критику:

- Вася дрова закончились, завтра суббота баньку бы истопить.

-Я знаю, пойду расколю комли, а вечером подскажу Володи Чижову, чтобы после работы зацепил в Ивой пади две сухих сосенки и привёз.

Попив чаю Василий расколол два комля поспешил на разнарядку. Утренние лучи пробиваясь из-за гор за Ангарой предвещали, день будет жаркий, душный...и он также пролетит как и все предыдущие.

У конторки которая находилась возле конного двора сидел на лавке сторож дед Алексей Сизых, завидев бригадира он соскочил и по военному доложил:, Ночь происшествий не случилось, все на его объекте в порядке." Поздоровавшись с дедом, Василий зашёл в контору, что-то писал карандашом на клочке бумаги. Подходили мужики, женщины, получая распоряжения на работу.

Вот и ещё один день пройдёт в суете рабочих дел и его не заметят ни трактористы, ни рабочие, но он останется в памяти бригадира Василия Коновалова...

Вечером, Василий вернувшись с полей помог убратся по хозяйству своей жене Варваре, решил прогуляться вдоль Ангары. За поскотиной в сторону Коновалова на степи сегодня убрали последние гектары кукурузы, в благоприятные года кукуруза всегда росла здесь отличная, высокая. Наверное, утренние туманы и влажный воздух от Ангары влияли на ее рост. Но вот нынче заложили всего две ямы силоса. Он остановился, прислушиваясь к звуку, трактора, который на средних оборотах двигателя двигался то в зад, то в перед. Трамбовал яму Валерка Клепиков, молодой парень, закончивший курсы трактористов при МТС, этой зимой. Убедившись, что работа идёт нормально, трактор работает исправно Василий, покурив пошёл домой. Ветер дул с верховьев Ангары Василий знал если верховик, то может ночью пролить дождь, а его сейчас ой как не надо. Конец августа надо начинать уборку хлебов.

Сегодня они об этом вели разговор с Григорием Берестень, главным агрономом колхоза. Пойду спать - подумал Василий, утро вечера мудренее!

К обеду следующего дня в Кузнецово доставили два прицепных комбайна С-6 «Сталинец». Василий встретил их возле конного двора, трактористы, заглушив моторы устроились в тенечке и опустошали свои котомки с едой.

Это были два брата Алексей и Михаил Самойловы. Алексей старший-фронтвик, Михаил, как и Валерка после курсов. Комбайнеры Иннокентий Лебедев и Василий Кузнецов осматривали своих «монстров», готовых сейчас - же пожирать хлебную массу в чреве зубастых молотилок. Василий показал им как проехать на поле и там уже собирать комбайны в рабочее положение.

«Ужинать будете на поле»: -Маруся привезёт ужин с Саней Фонаревым (водителем единственной полуторки на всю бригаду)- Он же и будет отвозить зерно на зерносклад.

Уборка проходила в сложных условиях, мешали дожди которых почти не было все лето, поломки комбайнов, трудности с запчастями.

Василий мотался на своём Игреньке то в МТС, то на нефтебазу с утра до позднего вечера. Вечером заглядывал на зерносклад узнавал, как идёт подработка зерна. Там работали все те-же бабенки- которые вручную, серпами сжали шестьдесят гектаров ржи, связали её в снопы и отправили на Новый стан, где рож обмолачивали мужчины. Благо молотилка работала без простоев и поломок. На середину сентября оставалось убрать двести гектар пшеницы. Комбайнеры работали до темноты пока роса не выпадет на землю и не отсыреют стебли пшеницы от неё.

Зерна намолотили в тот год на много меньше, чем планировалось по колхозу. Но никто не отменял план сдачи хлеба государству. А ещё надо было выдать на заработанный трудодень каждому колхознику, оставить на прокорм колхозного скота зимой. Закончив уборочную страду, надо будет подремонтировать ферму, овчарню заготовить на колхозные объекты дрова и все это снова на плечи колхозников, которые без усталости трудились под руководством бригадира Василия Коновалова.

В конце февраля Василия вызвали в контору колхоза. Председатель колхоза Иван Алексеевич Донской и парторг Пасховер предложили Василию принимать первую бригаду колхоза, твою бригаду мы решили доверить коммунисту- фронтовику Алексею Петровичу Бережных.

Послевоенная жизнь налаживалась, выполнялись пятилетки, строились новые города, на реках ГЭС. Отлично работали и колхозники колхоза им. «Чапаева». В конце пятидесятых в Коновалово дошла весть, что ниже по Ангаре, а точнее в Братске начали строить ГЭС. Обещали людям, если деревни, села, посёлки попадут в зону затопления водохранилища они не будут платить за электричество, которое будет работать не от дизеля до двенадцати ночи, а от ГЭС круглосуточно. Не обошла эта весть села и деревни Балаганского рай. Работы предстояло очень много, надо было перевезти все дома за семь километров на новое место, построить там новые объекты, а это фермы, дома, клуб, зерновые токи и элеваторы, магазины. И в тоже время растить хлеб, ухаживать за колхозным скотом строить и свое жильё. И все это снова

сложится на плечи мужиков, председателей и бригадиров.

В 1959 году области разрешили вербовку семей из западных областей СССР. В Сибирь ехали Украинцы, Беларусы, переселенцы из Татарстана, Чувашии. Из колхоза им. «Чапаева» для вербовки рабочих из Чувашии отправили старого коммуниста председателя колхозной ревизионной комиссии Петра Ивановича Шубина. Через месяц приехали первые переселенцы Кузнецовы, Плешковы, Люлины, Максимовы, Ларкузовы, Карзаковы и многие другие семьи.

Все семьи поселили в подготовленные дома, выделили строй материалы на постройку хозяйственных помещений. Выделили скот, коров, свиней обеспечили кормами. Бригадир Василий с семьёй переехал в районный посёлок Балаганск и работал на руководящей должности толи в СХТ, толи в ПМК- 585. К колхозу им. «Чапаева» в 1963 году присоединили соседний колхоз с. Ташлыково и организовали там вторую бригаду в двенадцати километрах от с. Коновалово. Колхоз был переименован и стал называется «Ленинский путь». Новым председателем колхозники единогласно избрали Ивана Григорьевича Щетинина, бригадиром первой бригады Александра Федоровича Жукова, бригадиром второй бригады Гаврила Лукича Никитина.

* * *

Река деда Володи *(Полная версия рассказа)*

Рассвет узкой полоской засветился над сопками за Ангарой, отражаясь розовым светом в волнах реки.

- Ветрено сегодня на улице, - говорил сам себе дед Володя, наливая чай из самовара.

Проснувшись, бабушка Наталья стала надевать на ходу кофту.

- Куда ты такую рань засобирался? – спросила она.

- Чай вот попью и пойду на Ангару. Поставлю сетюшки: что-то рыбки

захотелось. Может, поймаю маленько ельцов. Вдруг и щучка попадет на ушицу!

- Ветер на улице - то, как поплывешь? – запереживала бабка Наталья.

- Да я рядышком, у берега. Далеко не поплыву, - уверенно ответил дед.

Взяв «кошку» с бичевой, весла, садок под рыбу, сети в мешке, дед вышел на улицу. Деревня ещё спала. Обойдя ограду, он через огород спустился к реке. Лодка стояла в небольшой заводи, качаясь на волнах. Загрузив инвентарь, оттолкнулся от берега, сел за весла и поплыл в сторону бакена. Течение помогало плыть. Вот уже и бакен. Проплыв ещё метров сто, дед сбросил якорь. Это была железяка от трактора, которую он выпросил у Валерки Клепикова, колхозного тракториста. Лодку развернуло, она встала носом против течения. Дед Володя достал сеть из мешка, привязал к ней самодельные деревянные санки «гагару», которую делал сам, не помня когда....Поставив две сети, опустил груз на дно.

- Дай, Бог, может, к вечеру и попадется рыбка, - обмолвился он про себя.

Со стороны Ташлыкова показался пароход, толкая впереди себя три баржи с кирпичом.

- Вона как: вниз- то аж три толкает по течению, а назад с пустыми еле плывет, - рассуждал дед.

Посмотрев на то место, где поставил сети, он поднял свой якорь и поплыл к дому.

- А вот я, наверное, тоже как тот пароход: быстро - по течению и намного тише против.

Привязывая лодку на место, он заметил, что сосед его, Илья Сокорев, тоже идёт с веслами к своей лодке.

- Здравствуй, сосед, - крикнул ему Илья, - что уже поставил свое рваньё?

- Поставил, да не про твою честь!- бурчал себе под нос дед Володя. Он знал, что Илье сыновья из Иркутска новые привезли, и ругал себя, что нет времени починить свои.

По деревне уже гнали коров на пастбище. Присев на лавочку, дед Володя

задумался...

— Вот куда столько кирпича везут из Иркутска вниз по Ангаре? Можно все печи переложить в их деревне и заборы каменные поставить, - рассуждал он. Тогда он и не думал, что скоро придется и ему класть печь в новом доме, на новом месте, в селе Коновалово. Не дошли ещё слухи о том, что «в верхах» решили построить гидроэлектростанцию в трёхстах километрах от его родной деревеньки Кузнецово. И будет эта огромная стройка союзного масштаба: Братская ГЭС...

В связи с затоплением, деревни, села и поселки, расположенные на берегу реки Ангары, подлежали переносу на новые места. Вот и дедову деревню Кузнецово собрались переносить на семь километров выше от старого места.

Сколько понадобится рабочей силы и средств. Дед Володя задумался: «Как и с чего начинать?» Приближалась зима, а это значит: надо разбирать амбар, кладовки до снега, успеть их перевезти и построить на новом, отведённом землемерами месте. Сын Иван жил рядом. Он работал продавцом в местном магазине. Вот вместе и решили: дедов добротный амбар перевезти в первую очередь. Поставят его в ограде и в нём откроют временно магазин. Так как люди будут тоже строиться, и им нужны будут гвозди, скобы и разный строительный ширпотреб. Иван уже договорился с Райпотребсоюзом, и те дали согласие, что магазин откроют во временном помещении.

Приближались холода, вода в лужах стала замерзать после осенних дождей. С утра, позавтракав, дед Володя сходил на планерку в колхозную контору, послушал, как ведут мужики разговор о грядущем переселении. Заодно договорился с ними, чтобы помогли в выходной день разобрать его амбар. Объяснил всем, что в его амбаре будет магазин на первый случай, пока не построят новый, большой, «Сельмаг». В воскресенье пришли мужики и до обеда разобрали амбар. Брёвна погрузили на тракторный прицеп, и бригадир Василий разрешил трактористу Валерке Клепикову утром увезти телегу на гору, где будут строить новое село. В понедельник подъехал трактор, Валерка крикнул:

- Дед, собирайся, поедem! Покажешь место и ваш участок.

- А я готов! - пробурчал старик, залезая в кабину трактора.

Разгрузили телегу, дед сказал трактористу: «Ты поезжай, а я - пешком. Через Филиппову гору напрямую уйду»

До первого снега амбар поставили на видном месте. Пропилили большое окно, ограду обнесли дощатым забором. Благо, с этим справились плотники-шабашники из таёжной деревни Анучинск! Они ещё помогли построить небольшую избушку-тепляк для проживания деду, бабке Наталье да Ивану с Катериной, пока они не построят свои дома.

Полностью деревня переселилась за два года. Выстроили новые магазины, почту, медпункт, дом культуры. Соорудили новые фермы, свинарники, зерноток. Долго старики не могли привыкнуть к названию нового села Коновалово, часто вспоминали о своей деревне на берегу Ангары.

Дом и амбар деда Володи стоит и по сей день.

В народе и сегодня говорят: «Раньше старики строили на века: брёвна и строительный материал заготавливали, сушили заранее». А Ангара разлила свои воды на многие километры, образовав Братское водохранилище, по которому ходят современные пассажирские теплоходы и самоходные баржи в отличие от того парохода, на котором везли кирпич из Иркутска в Братск для строительства города и плотины.

Дед Володя редко болел и прожил почти восемьдесят лет. Разводил пчел, держали с женой хозяйство. Только не любил он рассказывать о своей трудной жизни, всегда на вопрос о том, как жил, отвечал:

- А кому это надо? Я жил, живу и буду жить столько, сколько мне Бог отмерил! Можно было многое написать о жизни деда Володи... Но, как говорится, чем богаты, тому и рады!

Петр Бережных.

Памяти моего папы

От автора:

Этот рассказ я посвящаю моему отцу, простому человеку, который прожил жизнь, достойную для примера. Родившись в простой деревенской семье, он рано познал крестьянский труд.

Когда началась Великая Отечественная война Георгий Иванович попал в действующую 19 армию 182-й Украинский фронт под командованием маршала И.С. Конева. Участвовал в боях Великой отечественной войны с января 1942 года до 9 мая 1945 года в качестве рядового. Сражался на западном направлении. Участвовал в оборонительном сражении под Курском. Был трижды ранен. По воспоминаниям Георгия Ивановича:

«Много осталось лежать моих дорогих товарищей, не только земляков, но и парней из других краев Советского союза, парней разных национальностей. Очень

тяжелые были бои. Иногда казалось, что полыхает в огне вся земля, колышется и кипит, а гул, дым и залпы орудий слились в одно целое и ты уже ничего вокруг не видишь кроме врагов, да еще в тебе одно нестерпимое желание побольше их уничтожить...»

Георгий Иванович имеет награды: Орден «Отечественной войны», Медали «За отвагу», «За победу над Германией».

Памяти моего папы

I

Рождение, детство, юность.

Вот и пришла весна. Это самое долгожданное время года. День стал длинным. Солнце ярко светит и пригревает землю. Показалась молодая трава. На деревьях и кустарниках появились листочки. Журчит весёлый ручеёк. Ожил под тёплым солнцем муравейник. Проросли первые весенние цветы, подснежники. Над ними кружатся и жужжат пчёлы. Все рады приходу весны, особенно мужики в деревне!

Скоро сеять хлеб, поля еще с осени вспаханы, земля оттаяла от зимних холодов, ее только нужно успеть заборонить до конца апреля.

Иван с раннего утра возился с инвентарем, грузил бороны на телегу, проверил валек и постромки. Анисья собрала ему котомку. Молоко, сало, положила несколько куриных яиц, в логушок налила воды.

- Фёдор- то, наверное, уже уехали с Митькой, а вы с Алёшкой еще тянетесь, - тихо сказала Анисья.

- Ну, и мы уже собрались, к обеду приедем и до вечера будем боронить, - ответил ей Иван.

- Положи-ка, мать, еще в мешок картошки, наверное, заночуем на заимке. Вона дни-то какие теплые стоят!

- Да я уже сказала об этом Катерине, достанет сейчас из подпола.

Катерина - старшая дочь. Зимой исполнилось ей шестнадцать. Трудолюбивая помощница в доме.

Помогает по хозяйству: коров доит, кормит свиней, а тем более сейчас, когда Анисья на сносях в четвертый раз.

- Тятя, два ведра в мешке. Вам, наверное, пока хватит, а потом, когда сеять начнем, мы с Алешей еще привезем.

В первых числах мая мужики вечером собрались на заимке, в доме у Ивана.

- Ну, что? - первым заговорил Федор, - завтра будем начинать сев, земля прогрелась.

- Наверное, да,- поддержал его Дмитрий (сродный брат Ивана и Федора).-

Погода теплая, солнечная.

Иван с вечера отправил Алёшку в деревню, чтобы тот утром привез Катерину да сестру Анисьи, Татьяну.

Анисья должна была вот- вот родить, но тоже засобиралась на заимку. «Сеять- то я не буду, но обед приготовлю! - думала она. - Всухомятку сильно не поработаешь в поле.»

Утром, на следующий день, Иван с Алёшкой нагребли в амбаре десять мешков семенной ржи, загрузили в телегу. Алёшка повез на свою делянку. Женщины, прихватив лукошки, через лесок пошли на поле. Солнышко играло утренними лучами. У края леса паслись коровы. Пастух Егорка сидел на пеньке, что-то строгал перочинником.

- Наверное, свистульку делает из молодой сочной осинки, - подумала Катя.

Завидев женщин, Егорка поздоровался:

- С началом посевной вас, бабоньки!

Женщины кивком головы поблагодарили Егорку.

- Дядька Иван с Алёшкой уже на поле ждут вас, - отрапортовал он.

Алёшка закрепил валец за борону, которая лежала под березкой. Конь Карька пасся рядом, щипал траву. Иван сидел на телеге, курил самокрутку.

Заполнив лукошки, Иван перекрестился и пошел первым в шеренге, разбрасывая семена. Женщины шли за ним на определенном расстоянии. До обеда они засеяли половину поля, Алёшка ловко боронил за ними землю.

Вороны с опаской ходили по краю поля, старались клевать свежие зерна, но их гонял пес Гарька, живший на заимке.

Анисья сварила обед и, ожидая работников, прилегла на кровать.

«Устала очень, пока ходила на ключ за водой. А, может, время подходит рожать». - думала она. - Скажу об этом своим за обедом и вечером пойду домой, в деревню. Нет, вечером как идти? Пойду с утра да по пути к бабке Агрофене зайду, чтоб фельдшера предупредила».

После трудового дня все крепко спали на заимке. Не спала только Анисья:

болела спина, ныли ноги. «Как же я завтра пойду?» - думала она.

Рано утром Анисья стала собираться. Проснулась Татьяна и сказала: «Давай-ка, сестра, я провожу тебя маленько, помогу спуститься с горки, а там ты потихоньку и пойдешь.» Спустились с горки. Анисья застонала и присела на корточки.

- Сестра, у меня воды отходят...

- Ой, давай-ка вон туда, под берёзку. Полежишь, а я побегу, скажу Ивану, чтоб запрягал лошадь. В деревню тебя надо! Постелив свою кофту, она уложила сестру, сама быстро побежала на заимку. Алёшка еще спал, а Иван уже вёл Ландыша с водопоя.

- Давай быстрее запрягай, Анисья рожает там, под березой в логу.

Повезем ее в деревню. Забежав в дом, она взяла в шкафу свои нижние рубашки. Прихватила нож и побежала к Анисье. Та уже рожала... Приняв малыша, обрезала пуповину. Вот и все: плачет мужик! Стала заворачивать его в пеленки, из разрезанных наспех своих рубашек. Подъехал Иван.

- Как назовете? - спросила она у него.

- Гошей! - ответил ей Иван. - Родила-то его как раз напротив Егоршиной подушки.

Прошло пять лет. Старшего, Алексея, призвали в армию. Служил где-то в Чите, при штабе округа. Гоша рос, как и все его друзья. В восемь лет пошел учиться в первый класс. Старался помогать родителям по хозяйству. Окончил четыре класса начальной школы. По стране началась коллективизация. В колхоз добровольно отдали коров. Оставили себе одну. Весь инвентарь стал коллективным. Ландыша разрешили оставить дома: староват стал. Ветврач не разрешил, чтобы он находился в общем табуне.

В пятнадцать лет Гоша начал работать в колхозе. Выполнял разные работы: пас скота, возил зимой сено, дрова.

Осенью, в тридцать девятом году, его призвали в армию.

II

Служба в армии.

Предвоенный призыв в Красную Армию. Уже конец ноября снег выпал, но санный путь ещё не был накатан. Гоша рано уехал на луг на двух лошадях, запряжённых в сани-розвальни. Надо было успеть вывезти остатки сена до

первого числа декабря, так как на третье ему прислали повестку в военкомат.

Заберут, наверное, как и всех его дружков Николая Костина, Ваню Зелечукова и ещё двоих из соседней деревни Ташлыковой.

Загрузив сено, подъезжая к деревне, он все смотрел на Ангару - как быстро замёрзли протоки и сама река вздыбилась торосами! Ведь только два дня назад они с дедом Акимом ставили старенькие сетюшки, поймали ельцов, пескарей, да два таймешонка.

«Приморозило по ночам, вот и прихватило Ангару» - рассуждал Гоша.

Проводины гуляли два дня, приезжала Гошина тётка по матери с мужем из соседней деревни Заходы. Они привезли четверть бурятского тарасуна, хватило с лихвой. Пели песни, плясали, вечером ходили в клуб на посиделки. Мужики постарше делали наставления парням, как да что там на службе. «Служить паря надо» - говорил Яков Халхутов, который успел за время своей службы повоевать у озера Хасан.

- В нашей армии все по закону и по уставу: отличился - жди награду. Он показывал на свою грудь, где были пристегнуты две боевые медали. Так что мужики, служите честно на благо нашей Родины и рабоче-крестьянской Красной Армии!

В районный военкомат согласился доставить призывников старый вояка,

прошедший первую мировую и гражданскую, дед Михей, работавший конюхом в колхозе. Ранним утром третьего декабря он запряг в кошеву самого быстрого коня Воронка. Усадив мужиков в кошеву, понужнул разными словами Воронка, и тот под матюги Михея помчал будущих солдат в их нелёгкий путь служить Отечеству....

На сборном пункте в Зеленом городке новобранцы сели в вагоны военного эшелона и поезд под протяжный гудок паровоза тронулся на Восток. В пути мелькали в окнах большие станции и маленькие полустанки, проехали мимо священного озёра Байкал. Эшелон подходил к Забайкальской станции Борзя, а будущие солдаты посматривали в окно вагона на бескрайние степи Забайкалья, где им предстояло служить в железнодорожном батальоне и строить ж/дорогу Борзя – Баян-Тумэн в братской Монгольской Народной республике.

После прохождения карантина и принятия Присяги воинов-строителей распределили по местам постоянной службы. Друзей Гоши отправили в мехбат, где они работали на отсыпке насыпи ж/д полотна. Зеленчукова на бульдозер, а Костина на экскаватор - оба они уже имели свидетельства трактористов, и до призыва успели поработать в колхозе механизаторами. Гошу определили в хозвзвод. Он на паре лошадей возил воду в столовую, продукты, а также, мостовой брус, шпалы. В суровых условиях Монголии строители были в очень трудном положении. Летом жара доходила до 35 градусов в тени, а зимой морозы и пронизывающий ветер, плохое питание и тяжкий, в основном ручной, труд часто приводил к болезням. Но не роптали молодые воины, не смотря на такие жёсткие условия, и движение по дороге началось уже через семьдесят пять дней. Благодаря быстрому открытию движения поездов в Баян-Тумэн были перевезены тысячи тонн военных грузов и боевой техники, что ускорило разгром Японии на Халхин-Голе. Эта железная дорога после полного окончания строительства сыграла большую роль в обеспечении боевой готовности войск РККА на границе и в последующем разгроме милитаристской Японии в 1945 году. В этой победе есть и частичка труда моего отца Георгия. Холодный ветер. Он налетел с северо-востока. Кое-кто в части думал, что

погода испортится. Или ветер разойдется и заметелит, как уже не раз было в январе, а тут февраль. Все можно ожидать. Может и тучи нагнать. Ветер стихнет, и снег повалит. Но на следующий день погода установилась тихая и морозная.

Лошади остановились у берега реки Керулен. Красноармеец спрыгнул с повозки, на которой были установлены две ёмкости по двести литров, и ведром стал наполнять их водой. В часть к столовой он прибыл ближе к обеду. Слив воду в бак, который стоял в подсобке здания столовой, где два бойца чистили картошку. Вышел повар, покрикивая на солдат, чтобы те поторопились с работой по чистке картофеля: «Обед скоро - а я ещё не могу сварить суп из-за вашей нерасторопности». Поругался и зашёл в варочный цех. Выполнив свою работу. Гоша направил своих коней к конюшне. Распряг и отпустил их во двор, где в кормушке лежало с утра приготовленное сено. Постоял, посмотрел на своих гнедых Гоша и пошёл в казарму. По дороге его сильно знобило, голова болела. Зайдя в казарму., он доложил старшине, что работу выполнил, но вот со здоровьем непорядок. «Продуло тебя, наверное, боец!»- сказал ему старшина. К отбою поднялась температура, морозило и очень болела голова. Утром Гоша после развода пошёл в санчасть, военврач осмотрел его, прослушал грудь и спину, сказал: «Вам, товарищ боец, нужно будет полежать несколько дней в стационаре, у вас воспаление лёгких». Медсестра проводила его в палату, указала на койку, где он будет лежать эти дни, а сколько, ему никто не сказал. Прошла неделя, а болезнь все ещё прогрессировала, температура то падала, то вновь поднималась, дышать было трудно, пропал аппетит. Через десять дней Гошу отправили в Читу в окружной госпиталь. Там он пролежал месяц, подлечили, но из-за плохого аппетита и болезни Гоша сильно потерял в весе. За полтора месяца его тело тянуло всего сорок два килограмма, и это у здорового двадцатилетнего парня...

Старший брат Гоши, Алексей служил в Чите в штабе округа в одном из отделов. Узнав о том, что брат в госпитале, сразу приехал к нему.

Посмотрев на Гошу он удивился, что брат из крепкого, коренастого мужика

превратился в худого, болезненного мальчишку. Поговорив с врачами, пообещал, что будет добивается отправке брата в военный санаторий. Алексей добился, что бы брата отправили в санаторий. Через неделю Гошу в сопровождении медсестры и двух красноармейцев привезли в санаторий на станцию Мальта Иркутской области. Выйдя из поезда спросили у прохожего: «Как добраться до санатория?»- благо было не далеко и все по прямой. Гоша попрощался со своими сопровождающими и скрылся в дверях этого заведения. Дни лечения и отдыха пролетели быстро. Выписывая, его врач сказал: Зайдите в кабинет главного врача Вам там все объяснят. Постучавшись, Гоша по-военному спросил разрешения войти. Главный врач был военным предложил подождать пять минут пока решал дела. Гоша стоял в коридоре. Дверь открыл врач и пригласил его на беседу. Рассказав ему: «Вам боец положена реабилитация два месяца после болезни и далеко ли ваш дом?». Гоша ответил: «До моей деревни двести километров надо на поезде доехать до станции Залари, а там и до деревни рукой подать». Получив все документы и немного денег, Гоша поспешил на ж/д станцию. Купив билет стал ждать поезд. Через несколько часов он был уже в Заларях и на попутной машине доехал до своей деревни Кузнецовка.

III

Дорогами войны

В жаркую середину июня 1941 года, а точнее 19 числа, Гоша уезжал после отпуска в свою часть, на службу в Монголию. За три месяца отпуска в домашних условиях он поправил здоровье, набрал положенный вес, помог родителям по хозяйству. (За два года службы в тяжелейших условиях на строительстве железной дороги Борзя-Баянтумэн в Монголии он потерял в весе, и был направлен для полного выздоровления домой на Родину). До станции Зелёный городок его на «полуторке» довез Н.Колганов, которого отправили в Усолье за срочным грузом для МТС. Попрощавшись с Николаем, Гоша пришёл на сборный пункт, доложил коменданту, показав свои

документы. В комендатуре выписали проездной билет до станции Соловьевск Забайкальской железной дороги. Получив билет и документы, Гоша вышел на улицу. Поезд должен был отправляться только вечером, поэтому он решил отдохнуть в тени на лавочке.

Подошли двое военных, тоже ждавших поезд в Забайкалье. Познакомились, поговорили о том, о сем. Решили пообедать тем, у кого, что было припасено, прямо здесь, на лавочке. Подкрепившись, Гоша сходил за водой, благо колонка была рядом, за забором сборного пункта. Набрав воды, Гоша умылся. «Июнь, жара, - подумал он, - а в Монголии, где была его часть, вообще стоит пекло». В десять вечера должен был прибыть их поезд, но почему-то задерживался. «Да успеем ещё добраться до части, - сказал один из новых Гошиных знакомых, - а пока давайте наслаждаться прохладным летним вечером здесь, на Родине: в родной Сибири!» Прошло ещё два часа, и вот вдали показался прожектор паровоза. Они нашли свой вагон, показав проводнице документы, заняли свои места в вагоне.

Двадцать второго июня к обеду поезд прибыл на станцию Борзя. На перроне было много военных с оружием. К их вагону подошли тоже военные. Офицер посмотрел документы, приказал построиться и следовать за сержантом. Их привели в какой-то барак. Сержант приказал: «Ждите здесь!». По дороге в барак узнали, что Германия вероломно, без предупреждения, напала на Советский Союз. К вечеру их набралось человек пятьдесят. Пожилой старшина выдал каждому сухой паек: по банке тушенки, галеты и сахар. Вода была на улице в двухсотлитровом баке. Переночевали на полу, где была настелена солома, а утром, в срочном порядке, мужчин посадили в товарный вагон и отправили в обратном направлении, на станцию Дивизионная, где формировался эшелон на Запад.

Пять суток эшелон двигался к Западной границе Советского Союза. Туда, где долгих четыре года будет греметь кровавая война Советского народа против фашистских захватчиков. Но об этом они тогда не знали, а некоторые из их вагона даже и не узнают, когда все это закончится.

Линия фронта проходила в нескольких километрах от того места, где их роту высадили из вагонов. В стороне от вагона стоял грузовик, охраняемый часовыми. В кабине сидел капитан, ожидавший красноармейцев. Старшина дал команду «построиться». Тем временем капитан вышел из машины и направился в сторону солдат. Прозвучала команда: «Смирно!» Доложили капитану о прибытии роты на фронт. Капитан, поприветствовав солдат, представился, что он командир шестой роты, пятьсот двадцать четвёртого стрелкового полка, сто двенадцатой стрелковой дивизии капитан Климачевских. Получив оружие, боеприпасы, рота выдвинулась в расположение стрелкового полка. Своё первое ранение в шею Гоша получил в боях на Курской дуге. Пуля вышла навывлет. Тогда он месяц лечился в полевом госпитале. В свою роту он вернулся в конце лета. Был очень рад, что не отправили в другой полк. За месяц боёв в роте погибли три человека, но к счастью, его земляки были живы. Семену Баранову из Малышёвки присвоили звание «Младший сержант», и он командовал вторым отделением. Шли месяц за месяцем, день за днём этой страшной, проклятой войны.

Гоша за бои под Курском был награждён своей первой медалью, «За отвагу!» Орден «Красной звезды» Гоша получил в боях на Сандомирском плацдарме. Во время атаки рядом разорвался немецкий снаряд. Отец почувствовал боль в левой ноге, упал на землю, увидел, что кровь струйкой льётся из разорванной штанины. Он перебинтовал себе рану, но в атаку бежать уже не смог. Только к вечеру санитары подобрали его и отправили в полевую санчасть. С боями полк продвигался на Запад. Ротный поговорил с начальством, и Гошу оставили в санчасти, где он помогал по хозяйству. Рана потихоньку стала затягиваться, но не проходила хромота. С большим трудом он ходил два раза в день с двумя вёдрами по воду на ручей.

Война все дальше двигалась к границе Германии. Вместе с тяжелыми боями прорывались бойцы и Гошиного подразделения. Они освобождали деревни и города Польши, приближаясь все ближе к логову фашистского зверя.

Свой второй орден «Славы третьей степени» Гоша получил за зачистку немцев

в городе Гротткав. Он заметил, что немецкий офицер и несколько уцелевших солдат спускаются в подвал дома. Короткой перебежкой настиг и из автомата в упор расстрелял их ещё на лестнице.

После старшина насчитал убитыми семь человек. Для Гоши атаки закончились в начале апреля сорок пятого года, в Германии. Рота в тот день вела бой за город Роттендорф. В одной из атак вражеский пулеметчик вел обстрел улицы, вот под его огонь и попал взвод.

Пуля угодила Гоше в правую сторону груди, но не прошла навывлет. Повредила лёгкое и застряла в лопатке. Операция и долгих три месяца больничных палат. Там, в палате, раненые узнали, что закончилась Великая битва. Наступил долгожданный день Победы советского народа над поверженной фашистской Германией.

А для Гоши и его друзей война закончилась только лишь в сентябре сорок пятого, на Дальнем Востоке.

Петр Бережных.

* * *

Дань тайги

Эта зима была одной из самых суровых на памяти Михаила. Злой, обжигающий ветер кусал лицо, замораживая невольную гримасу боли и страдания на лице путника. Тучи, тяжелые, низко несущиеся по безразличному небу, сыпали на исстрадавшуюся землю снег. Он падал хлопьями, бил в окна льдинками, шуршал по крышам белыми шариками. Казалось, что природа ополчилась на человека, захватившего и поработившего ее. Она слепо мстила жителям деревни, не заботясь о справедливости.

Из трубы большого бревенчатого дома шел дымок: Михаил топил печку. На конфорке стояла кастрюлька с кипящей картошкой, рядом – большой, пузатый

чайник, в котором булькала и посвистывала паром вода.

Он отодвинул шторку и выглянул в окно. Метель не заканчивалась уже третий день. Чернота, хаос, бешено бьющие в лицо жгучие снежинки – вот и все, что теперь было на улице. Михаил передернул плечами, почувствовав внезапный озноб, хотя в избе было хорошо натоплено. Было ли то предчувствие беды, страх, набежавший вдруг, охвативший своими мохнатыми, жесткими лапами его душу, или просто воображение разыгралось, он не знал. Тревога уже давно поселилась в его сердце, затихая лишь по ночам.

Михаил ненавидел зиму. Это раньше, когда он был молодым и приехал сюда, в Куйтунский район, после техникума вместе с женой Натальей. Все казалось романтичным и захватывающим. Тайга, медведи, охотники и обучение стрельбе, походы и стоянки в лесу – все было в новинку и пришлось по сердцу молодой семье.

Но прошло много лет. Михаил работал ветеринаром в колхозе. Не раз и не два он был последним, кто слышал вздох коровы, разорванной медведем, видел обмороженные глаза незадачливого животного, заблудившегося в лесу.

Михаил научился ценить мощь и необъятность тайги, уважать и преклоняться перед ее силой, щедростью и девственной красотой. Только жестокого и холодного безразличия он ей простить не мог. Лес готов был обступить тебя, поглотить и навеки спрятать, не выдав ни единым намеком, где скрыл он человека, сделать так, что его дыхание остынет, так и не будучи оплакано родными.

Тайга делилась с Михаилом лекарственными травами и ягодами, но потом приходила с требованием расплаты за свои дары. Помимо Михаила в деревне был еще один ветеринар, который кое-что смыслил в ветеринарном деле. Это пожилая женщина, Любовь Петровна. Но все звали ее просто баба Люба. Для жителей деревни она была скорее знахаркой, чем ветеринаром. Любовь любила обставить все дела так, чтобы ее работа была окутана таинством и намеком на колдовство.

Михаил недолюбливал Любовь Петровну за то, что та морочила голову людям,

и за то, что была жесткой, холодной. Она лечила как-то всегда ворчливо, нехотя. Те, кто знал Любовь давно, рассказывали, что тайга много лет назад забрала ее мужа. Тот заблудился в лесу, да так и не вернулся, наткнувшись на медведя. Охотники нашли его вещи только через неделю. С тех пор сердце Любы очерствело. С потерей мужа ушла и доброта. Уход каждого больного теленка, которого не спасли они вместе с Михаилом, воспринимался вдовой, как совершенно обыденное явление: без лишних переживаний. Любовь Петровна совершенно спокойно могла рассуждать о том, сколько животных нужно отдать зимней, студенной тайге, чтобы «оплатить» дань, «заработать» право на весну.

Сама Любовь тайги боялась. Возможно, она даже надеялась, что стихия заберет ее к себе, избавив от будущих страданий. Баба Люба была больна, знала, что конец близок. Женщина спокойно восприняла эту новость, когда из района, наконец, пришли результаты ее анализов. Единственное, чего боялась Люба, была боль. Отец, дед, сестра - все уходили очень тяжело. Она решила, что с ней такого не будет. Возможно, это и предопределило ход дальнейших событий этой истории...

В этот год остывшая тайга собрала большую дань с жителей деревни. Слишком большую, чтобы не стать чрезмерно жестокой.

Мужчины, женщины, дети - все были равны перед ней, любого она могла поглотить, оставив лишь холодную пустоту.

Генка Сазонов, которого придавило упавшим деревом, стал первой жертвой, первой данью этой лютой зиме. Даже похоронить мужчину толком не получилось. Мерзлая земля отказывалась принимать его тело, сопротивляясь лопатам рабочих.

Потом, закрутив в снежном вихре и сбив с пути, тайга забрала Ольгу, возвращающуюся домой от подруги. Стихия заманила ее на прикрытую снегом кромку залива, девушка провалилась под лед. Ей удалось выбраться, но холодная вода сделала свое дело. Быстротечное воспаление легких, ее не удалось спасти...

Следующим погиб ребенок. Это было самое страшное. Забрать жизнь маленького человека, который доверял тебе, смеялся, весело кувыркался в твоей мягкой траве на изломе лета, срывал пухлыми ручками ягоды с низких, налитых соком ветвей. А теперь его нет, он лежит в твоей земле, уже не боясь темноты...

Любовь Петровна вздохнула. «Слишком много для тебя одной! Слишком!» – шептала она, качая головой, водя пальцем по холодному стеклу.

Но на календаре был уже конец марта. Календарная зима закончилась. Весна в тайге наступает позже, но все же ждать ее оставалось недолго, хотя в этом году метели что-то загостились.

Наталя отвернулась от окна, поправила скатерть и стала накрывать на стол. Сегодня они ужинают только вдвоем с сыном, десятилетним Борисом. Михаил уехал в дальнее село, обещал вернуться к следующему вечеру, но по такой метели дороги почистят не раньше, чем через день, два...

-Борис, иди ужинать! – громко позвала Наталя сына. Сын, не спеша вышел из соседней комнаты.

-А, можно, я не буду? – стал канючить он. – Я не хочу ужинать. Только чайку попою и всё, а? Наталя внимательно посмотрела на Бориса, что-то явно было не так. Отсутствием аппетита мальчишка не страдал никогда, тем более после прогулок и беготни с соседскими ребятами. Пока не разыгралась настоящая метель, они возились в снегу, катались с сугробов и лепили снежную бабу из тяжелого, начинавшего уже оседать снега. После таких веселых забав Борька обычно просила добавки, а тут...

-Малыш, что с тобой? – Наталя обняла его и приложила руку к голове.

-Температура, – сказала Наталя и нахмурилась. – Ну, сколько раз я тебе говорила, чтоб ты надевал варежки...Ладно, горло болит?

-Немножко болит, и голова тоже болит. Я пойду, лягу, можно?

Наталя проводила сына в его комнату, помогла переодеться в пижаму и накрыла теплым, тяжелым одеялом. Сын лежал и водил пальцем по лоскутному ковру, висевшему на стене. Они сшили его вместе с мамой, когда ему было лет

восемь.

-Я чай тебе сделаю с малиной, полежи пока, подожди! Наталья быстро вышла и прикрыла за собой дверь. Тревога внутри нарастала. Вспомнился недавний разговор с Любой. Тогда Наталья пожаловалась ей, что весна никак не хочет приходить в их деревню, что холод и снег уже порядком надоели. Старая знахарка внимательно посмотрела на нее и сказала:

-А рано еще весне-то приходить. Не всех она забрала, матушка-тайга, ждет, видать, еще кого-то. Эти зловещие слова знахарки запали Наталье в душу, а теперь только распаляли страх.

-Нет! Это все чушь. Так не бывает. Боря просто простудился, ничего не будет! - твердила женщина, заваривая крепкий ароматный чай и открывая баночку малинового варенья. Но Борису становилось все хуже. Он тяжело дышал, температура поднималась слишком быстро. Наталья поняла, что без уколов здесь не обойтись. Она быстро накинула куртку и побежала в медпункт за лекарствами, наказав сыну не вставать с кровати. По дороге Наталья постучалась в окошко к соседям. Добрая и ласковая Нюрочка согласилась помочь Наталье и пошла приглядеть за Борисом, пока мать не вернется. Наталья бежала, не помня себя. Ветер бросал в лицо мокрый снег с колючими льдинками, заставлял отворачиваться, захлебываться холодным воздухом. Наталья трясущимися руками открыла дверь медпункта и кинулась собирать лекарства.

-Все хорошо! Все будет хорошо! – шептала она себе. – Соберись, нужно держаться, ты все умеешь, ты училась, ты вылечила много людей, все будет хорошо! Чемоданчик был собран. Наталья побежала домой. Вернувшись, она сделала сыну укол. Температура должна была вот-вот понизиться. Боря всегда тяжело переносил высокую температуру: начинал бредить, однажды у него даже были судороги.

-Сейчас, сейчас, рыбка моя! – твердила Наталья, а руки тем временем делали свою работу. Положила холодный компресс на лоб, пощупала пульс, послушала дыхание... Время шло, но температура не спадала. Наташа вдруг

запаниковала. Раньше она никогда не теряла самообладания, что бы не происходило. Этому ее научила работа на «Скорой» до того, как она вышла замуж и приехали сюда. Но сейчас все перевернулось. Она уже была не врачом, спасающим чью-то жизнь, дорогую, но чужую. Она была матерью, которая знает, что не переживет смерти сына.

-Может, Любу позвать? До Центра мы все равно не дозвонимся, да если и дозвонимся, то они не смогут приехать сейчас. Может быть, знахарка чем поможет, а? - нервно думала Наталья. Она сомневалась лишь секунду.

-Давай! – решила женщина.

Ей было нужно, чтобы рядом кто-то был, кто-то, кто разделит с ней все происходящее, пусть даже это будет Любовь Петровна. Нюрочка выскочила из дома, надевая на ходу пальто и захлопнув дверь.

-Ждет, видать, еще кого-то! - стучали в голове Натальи страшные слова. Ее затрясло. Баба Люба пришла быстро. Сразу осмотрела ребенка, послушала дыхание, спросила, что Наташа уже сделала, какие лекарства дала. Наташа с надеждой смотрела на пожилую женщину, которая на удивление ласково и нежно разговаривала с Борей, что-то шептала ему, гладила по голове.

-Так! - сказала Люба, роясь в своей сумке. – Дело плохо, видишь, как температурит парень, давай-ка мы ему вот эти травки заварим. Они сильные, должны помочь!

Наташа схватила пучки трав и побежала на кухню. Чайник уже свистел на плите. А за окном свирепела метель. Зимняя тайга ждала свою очередную жертву...

...Борис с трудом сделал несколько глотков и откинулся обратно на подушки.

- Мама! Мама! – позвал он Наталью – А папа приехал, уже приехал? Я слышал, дверь хлопнула!

-Нет, сынок, папа еще едет. Ты отдохни, еще чайку попей, он и вернется, - мать ласково гладила Бориса по голове. Люба пристально вглядывалась в лицо ребенка и качала головой. Она, черствая и холодная женщина, которая уже не верила в чудо, понимала, что лекарства не помогают. Борис из последних сил

борется за жизнь в таёжной деревне, но исход этой борьбы будет в пользу мальчика. Женщины крутились у кровати больного Бориса. Прикладывали компрессы, делали еще уколы, слушали дыхание, мерили температуру, давали травяные напитки. В ход шли все знания, что были у двух женщин, объединенных в эту ночь общей бедой. Нюрочка в это время пыталась дозвониться до Центра, но связь то и дело обрывалась. Наталья, уже не скрывала слез, бежавших по щекам, сидела на кровати сына и не могла поверить, что еще утром ее сын ругался и топал ногами, не желая надевать теплый свитер. С удовольствием уплетал горячие блинчики, намазывая их вареньем. Визжал от радости, когда выбежал на улицу. Теперь его дыхание стало прерывистым и тихим, руки двумя безвольными крылышками лежали на одеяле, без надежды вновь взлететь. Наталья раньше видела, как уходят такие пациенты. Все было слишком предсказуемо. Люба уже не пыталась чем-то помочь. Она просто стояла и смотрела в окно тяжелым, угрюмым взглядом. Наталья ненавидела ее в эту минуту, ненавидела за бездействие, за бессилие, за отражение себя самой в этой пожилой знахарке, которая не может совершить невозможное. А потом Люба как-то вдруг быстро оделась и вышла на улицу. Она ушла, не попрощавшись, не сказав, что вернется, что вспомнила, что-то очень важное. Нет, она просто ушла, закрыв за собой дверь. Наталья с удивлением и злостью посмотрела ей вслед и еще крепче сжала руки сына. Люба бросила ее, это было ясно. Она ушла, потому что знает: скоро все закончится. Она струсила, она... Слова, обидные, горячие, злые роились в голове Натальи, пока она автоматически меняла компрессы на лбу сына. Потом слова пропали, осталась звенящая тишина и ожидание конца...

...Люба медленно шла по полю, ее шуба распахивалась с каждым порывом злого, жестокого ветра. Снег залеплял глаза, ноги увязали в рыхлом, подтаявшем за день снегу. Женщина не обращала на это внимание. Она просто шла и что-то тихо шептала. Потом, дойдя до конца поля, упирающегося в большой залив, на мгновение остановилась, оглянулась, как бы прощаясь с теми, кто остался в теплых избах за тяжелыми деревянными стенами,

перекрестилась и пошла вперед, смело наступая на лед. Ее фигура черным пятном выделялась на фоне серебристо-белого снега, а потом исчезла, осела, опустилась под воду. Тайга приняла свою последнюю жертву. Теперь она готова была подарить людям немного весеннего тепла, ведь они сполна заплатили за все...

...Борису понемногу становилось лучше. Температура снижалась. Он перестал биться в бреду, затих на руках матери и уснул. Наташа не верила своим глазам. Она шептала молитвы и целовала сына. Женщина боялась, что это лишь временное облегчение, что самое страшное еще не миновало. Но остаток ночи прошел спокойно. Даже метель за окном вдруг утихла, уступила место безмятежности, перестав терзать деревья и позволив им немного поспать в ожидании рассвета. Утром за Борей прилетел санитарный вертолет из областного центра и забрал его вместе с матерью в больницу. Уже потом, когда Наталья с сыном вернулись из больницы домой, Михаил рассказал ей, что волной прибило тело Любы к берегу. Наталья вдруг поняла, что той страшной ночью пожилая знахарка не бросила ее, не струсилась, не сбежала, а нашла последний способ спасти ее сына. Ненасытная тайга была удовлетворена. Отработав положенный срок после техникума и еще несколько лет, Михаил поехал в гости к родителям, в свое родное село Коновалово. Отец отправил телеграмму: «Мать приболела Приезжай». Да и Наталья сколько раз намекала: - Родителей надо попроведовать, съездил бы на Родину. Борьку возьми, ему уж двенадцать лет, а он ни деда, ни бабушку в глаза не видел...

Утром, написав заявление на отгулы, Михаил стал собираться в дорогу.

Позвонил на станцию, заказал билеты на вечерний поезд.

Старики с теплотой встретили приезд сына и внука, накрыли стол. Михаил с отцом выпили бутылку водки, долго сидели, разговаривали о жизни. Борька познакомился с местными ребятами, ушел с ними на залив рыбачить.

Вечером у стариков собралась вся родня: дядя Сергей с женой, дядька Спиридон с теткой Верой, соседи. Сидели долго. Благо было лето, ночи светлые, теплые! Погостив у родителей, Михаил стал собираться домой. Вот

только Борис стал уговаривать отца:

- Папа, я, может, останусь у бабушки? Ведь лето, каникулы?

- Ладно, давай позвоним матери, как она оценит твое решение? – ответил Михаил.

Наталья дала добро, и радостный Борька умчался к своим новым друзьям.

Провожали Михаила всей родней. В автобусе он думал: «Плохо, что не сходил в правление колхоза, ведь мне же говорили за столом вечером, что главный ветврач Михаил Фёдорович вышел на пенсию и жил с семьей в Балаганске.»

«Ладно, приеду в Майск, позвоню председателю... Тянет тебя, Миша, в родные края!» - думал он. Вернулся Михаил домой. Наталья была на работе. Умывшись, Михаил попил чай и прилег на диван. В голове так и стучало: «А вдруг возьмет меня Иван Алексеевич в колхоз? А, может, и кого другого пригласил?»

С такими мыслями Михаил уснул. Он даже не слышал, как Наталья пришла с работы. Проснулся от звона посуды. Это Наталья готовила на кухне ужин.

Михаил встал с дивана и подошёл к жене. «Здравствуй, Наташа!» - сказал он, обняв и поцеловав ее!

- Крышка упала. Прости, что разбудила, - виновато сказала супруга.

- Да ладно, - махнул рукой Михаил, - пойду во двор. Корова пришла, загоню. Ему не терпелось сказать жене о своём решении, но решил подождать до ужина. Убравшись у скота, он помыл руки у колодца и зашел в дом. Наталья накрыла на стол, сидела и ждала его.

- Наташа, а не переехать ли нам жить на мою Родину? - робко спросил Михаил.

- Я без тебя тоже думала об этом. Я согласна... Да и сыну там будет лучше. Не будет в школу ездить на автобусе за двенадцать километров в Тулюшку. Да и зачем нам эта тайга?

Рано утром Михаил пришел на работу. Председатель уже был на своем рабочем месте, спросил: «Как отдохнул, как здоровье родителей?» «Все нормально!

Только вот они старые стали, часто болеют, зовут меня домой.» - взволнованно ответил он. «Я вас с Натальей не буду держать. Большое спасибо за ваш труд на благо нашего колхоза! А чтобы сохранился стаж, мы сделаем перевод из

нашего хозяйства в то, куда вы едете. Выделим две автомашины, чтобы вы могли перевезти свои вещи.» - с грустью в голосе сказал председатель.

Через три дня Михаил и Наталья были уже на месте, в родительском доме.

Борька был особенно рад поступку отца и матери!

Долго еще Михаил и его жена Наталья проработали в колхозе. Вырастили троих детей. Односельчане вспоминают о них с теплотой и уважением. Помнят их только с хорошей стороны! Как говорится, где родился, там и содился!

Куда бы ты не уехал, где бы ты не жил, Родина всегда манит тех людей, кто ей так дорог!

Пётр Бережных. 2021г.

* * *

Уголёк

Дед Иван включил свет, посмотрел на ходики и сказал себе: «Пора вставать, шесть утра!» Затопил печь, поставил чайник, накинул полушубок и вышел на улицу. Мерцали яркие звезды на небе, Грей лежал в своей конуре. Почуввав хозяина, тихо заскулил. «Холодно сегодня тебе. Ладно, попью чаю и постелю в конуру ещё соломы. Ох, как морозит, думаю, градусов под сорок будет!» - проворчал дед. Прихватив охапку дров, он направился к дому. И вдруг заметил что-то чёрное на тропинке, какой-то комочек. Занёс дрова и вернулся в ограду. «Померещилось, что ли? – недоумевал дед Иван. - Да нет, кто-то же шевелился!» Ближе к калитке, у бочки, он увидел это существо. «Вороненок!.. Да как же ты попал к нам? Что с тобой?» - сокрушался дед. Стараясь спрятаться за бочку от деда, вороненок бился крылом о снег и издавал жалобный, но негромкий крик. Дед Иван поймал его и занёс в дом. Правое крыло висело, как плеть, а левым он защищал себя от деда. Кот Василий спрыгнул с печи и старался кинуться на вороненка. Иван прикрикнул на кота, и тот, успокоившись, залез под стол, издали наблюдая за раненой птицей. Осмотрев вороненка, дед обнаружил, что у него сломано крыло. «Наверное, на помойке

бродячие собаки налетели на стаю воронья, а этот попал одной в пасть.» - рассуждал хозяин. Осторожно перевязал рану бинтом, отпустил на пол птицу, посмотрев на печку, подумал... «Назовём его Уголек! Ты не против, Васька?» - обратился он к коту. Кот подошёл к двери и попросился на улицу. Уголек занял его место под столом, прижавшись в угол. Дед достал из холодильника мясо, нарезал его на мелкие кусочки, положил рядом с птицей на пол. Почуввав запах, Уголек начал жадно глотать куски. Подобрав все, снова устроился в уголке. Ночью, когда хозяин дома спал, Уголек важно ходил по кухне, знакомясь с каждым предметом. Так было каждую ночь, а утром он снова сидел в своём уголке под столом. Кот привык и не обращал на него внимания. Зима приближалась к концу. По-весеннему грело солнце, журчали ручьи, со звоном с крыш падали капли. В ограде снег уже растаял, дед вынес Уголька на улицу. Радовались все, и даже кот, лежавший на лавке под лучами весеннего солнца. Присев рядом с котом, дед заметил, что Уголек боится Грея. Значит, точно он попал в лапы бродячих собак. Прошло ещё несколько дней. Крыло у вороненка стало подживать, и он даже пытался несколько раз взлететь на заборчик палисадника. Пришлось снять повязку. Теперь уголёк важно ходил по ограде, интересовался тем, что стояло по всему двору. Дед Иван соорудил ему из старого ящика что-то наподобие клетки-домика. А на ночь стал закрывать Уголька в этом новом жилище. Шли дни, недели... Все было хорошо, но однажды утром, накормив Уголька и открыв клетку, дед испугался. Вороненок с разбегу взлетел и направился в сторону леса. Ну, значит, окреп: крыло срослось, если так резко и неожиданно Уголек улетел. Вечером, после ужина, дед сидел, курил на лавочке и заметил, что две вороны сидели на соседнем заборе. «Неужели Уголек?!» - удивился дед. Старик позвал его, но не ожидал, что Уголек так быстро слетит с забора и усядется рядом с ним на лавке. Воронёнок расхаживал по ней, как бы намекая старику, чтобы тот нес мясо на ужин. Ранним утром вороненок улетал в лес, а вечером возвращался во двор деда Ивана. Так продолжалось до глубокой осени. С первым снегом Уголек исчез и больше не прилетал. Значит, в лесу и ранним утром на помойке ему было

лучше обитать в своей стае. Дед Иван долго не убирал клетку и тешил себя мыслью: «А вдруг, да и вернётся Уголек в родное гнездо!»

* * *

ЗИНАИДА ИВАНОВНА

Сколько лет и зим прошло с тех пор, как Зина уехала учиться в город. Много, очень много для человеческой жизни, а ведь и это время было жизнью. За три года Зина вытянулась, повзрослела, поразительно изменилась. В родное село Зина вернулась уже взрослой девушкой.

«Внучка приехала, закончила техникум. Такая важная стала: все же как- никак агроном! - говорила Степанида в магазине своим сельчанкам. - Завтра пойдёт в правление колхоза устраиваться на работу». Утром, позавтракав, Зина стала собираться в контору. Покрутилась у зеркала, поправляя причёску, сказала: - Бабуля, я пошла...

- Ой, Господи, да хоть бы все обошлось! - причитала Степанида, глядя в окно, провожая внучку взглядом. В кабинете председателя было шумно: шла, как обычно, утренняя планерка. Из кабинета друг за другом стали выходить бригадиры: завгар, работники животноводства. Здраваясь с Зиной, они спешили на свои объекты. Зина, подождав немного, зашла в приемную. Поздоровалась с секретарем Настей. Постучав в дверь, зашла в кабинет. За столом она увидела сидящего председателя, Ивана Алексеевича и парторга, Иннокентия Ильича. Они что -то обсуждали. Поздоровавшись с ними, Зина присела на стул.

- А-а-а! Наша стипендиатка приехала на практику?

- Да нет, я уже закончила учёбу и хочу устроиться на работу агрономом в колхоз.

Посмотрев диплом, председатель похвалил Зину. «Ты вот, девонька, в самый раз пришла: агроном наш, Георгий Федорович, уже вторую неделю лежит в больнице. Вся работа только на бригадирах, так что сдавай свои документы в

отдел кадров и завтра приступай к своим обязанностям.» - распорядился Иван Алексеевич. Зина вышла из конторы и направилась не домой, а пошла на речку, на место, где она всегда отдыхала, когда была на каникулах в селе. Буйно цвели кусты черемухи, аромат разносился по всей округе. Присев на камень, Зина стала всматриваться в воду, которую быстрым течением уносило куда-то вдаль, за перекалы. Туда, где маленькая речка впадала в Ангару. Зина подумала: «Вот завтра и я, как волны нашей реки, погружусь в работу родного колхоза. В его бескрайние поля, где колосятся пшеница, овес, горох, и растёт высокая кукуруза!»

На следующий день после утренней планерки Зина пошла на зерносклад. В конторке она встретила заведующего, Владимира Ильича. Тот подсчитывал, сколько осталось зерна на фураж колхозным свиньям. А их в колхозе было почти пять тысяч голов. Владимир Ильич сразу догадался, что Зина закончила техникум. Спросил, что да как? Зина две практики работала на зерноскладе во время уборки зерновых, принимала зерно с полей, отправляла машины с хлебом на сдачу в заготзерно. Вспомнила, что забыла спросить у председателя, кто возит по полям агронома на машине.

- Владимир Ильич, Вы не подскажете, кто личный водитель главного агронома?

- Подскажу! Серёга, кучерявый молодой парень, отслуживший в армии водителем где-то под Хабаровском.

Он позвонил завгару и сказал, что нужна машина, которая должна подъехать к зерноскладу. Посмотрев ведомости, Зина спросила: «А хватит ли фуража до нового урожая?» Ильич ответил: «Хватит, да ещё и колхозникам выдадим для своих домашних питомцев».

Машина не заставила долго ждать. Серёга спросил: «Куда поедем?» Зина ответила: По полям!»

«Давай на «Стрелку!» Там пахут пары трактористы, посмотрим, как у них идут дела!» – скомандовала Зина. Поехали через ключ. Серёга остановился, набрал в канистру чистой холодной воды. Налил в стакан, предложил Зине попить.

Поднялись на пригорок: и вот они «железные богатыри», идущие друг за

другом по ровной борозде. Выйдя из машины, Зина вдохнула запах свежевспаханного поля. Такой родной с детства, такой приятный! Трактора остановились, трактористы сели кружком. Зина представилась, что она агроном бригады номер один. Из короткого разговора с механизаторами узнала, что ещё нужно вспахать триста гектаров паров, что с техникой вроде бы все нормально, а вот с горючим бывают перебои. Прошлась по борозде и осталась довольна: брака в пахоте нет!

Стояла, молча провожая вереницу тракторов взглядом. Молодцы мужики! Переживают за свою работу, стараются выполнить её в срок.

Дальше поехали на «Максимовскую», где Николай Бугаев косил костёр безостый, в народе его пырей называют. Он идёт на сено. «У Николая и пообедать можно, ему всегда обед первому привозят», - доложил Серёга Зине. Не доехав до сенокоса, у машины спустило колесо. Зина вышла, сказав Сергею: «Я пройдушь пешком. Ты делай колесо и догоняй!» Трактор стоял у края поля. Николай менял нож, что-то попало и оторвало «пятку». Зина подошла, поздоровавшись, представилась, что она агроном. Разговорились. Николай объяснил, что нынче трава низкая, местами редкая. Снега было мало зимой, а дождик прошел всего один раз. Но косить надо! Может, даст Бог, дожди пройдут, и нарастет второй укос. Подъехал Серёга, а за ним следом - и машина с обедом. Расположились на свежей скошенной траве. Обедали, разговаривали о будущем колхоза и его жителях, о жизни и перестройке в стране.

В деревню приехали под вечер. Серёга довез Зину до дома и умчался в гараж. Степанида встретила внучку у крылечка. Присели на лавочку отдохнуть. Бабушка спрашивала о том, как прошёл день, как обстоят дела на полях в колхозе.

-Баба, давай ужинать,

-Давай, внучка, умывайся и за стол!

Поужинали. Зина ушла в свою комнату, прилегла на кровать и заснула, «мертвым» сном после своего первого рабочего дня. Так и потянулись дни, годы. И теперь уже не девушка Зина, а всеми уважаемая Зинаида Ивановна -

главный агроном колхоза. Жена, мать, бабушка... Она продолжала работать в своём хозяйстве и не уставала любить землю-кормилицу, к которой она приросла корнями. И на этой земле Зина начинала работу рядовым бригадным агрономом!

Петр Бережных.

* * *

Моя родословная

В1653 году енисейский воевода Афанасий Пашков поручает боярскому сыну Дмитрию Фирсову перенести Братский острог на левый берег Оки, и, следуя, вверх по Ангаре, поставить острог между «немирными балаганскими людьми». Эти задачи Фирсов должен был выполнить к зиме 1654 года, да возьми Митя в кучеры на переднюю лошадь Герасима беглого казака с Дона, он уже бывал в тех местах два года назад. Дорогу знает, да и воевода Илимский ему знаком. Начало1653 года, Енисейское воеводство.

Герасим вечером сходил к своей Дашутке сказать:

-Завтра воевода отправляет обоз на Илим, мне тоже велено быть при обозе.

- А чего он тебя -то, ты же уже бывал там и не раз.

-Бывал вот поэтому и приставил меня кучером, к боярскому сыну Дмитрию.

- И долго там будете проживать?

-Я и не знаю, по указу Царя-Батюшки надобно Братский острог перевезти с правого берега Оки на левый. Вот и думай, гадай сколько мы там пробудем. Так, что давай прощаться, утром рано в дорогу...

-Герасимка- миленький! Да как же я буду без тебя-то?

-Я бы рад быть с тобой, но это указ самого царя, а ещё в нем прописано, что после строительства острога на новом месте надо будет подняться в верх по реке Ангаре и найти там пашенные земли.

- Дай Бог ещё свидимся, а так не поминай меня лихом...

Дашутка стала обнимать, целовать Герасима, вытирая слёзы на глазах.

- Прощай Даша, мне надо идти.

- Прощай родной, береги себя...

Утром в середине января обоз тронулся из Енисейска на Восток к Илимску. Илимск располагался на одноименной реке Илим. По реке казаки ходили до устья, где он впадал в Ангара, охотились, рыбачили. Были и по берегу добротные пашенные земли. По зимнику охотники добирались и до реки Лена там тоже было изобилие пушного зверя, рыбы. Добывали мясо сохатого, косули, кабарги. Весь этот груз перевозили зимой на лошадях так как весной или летом было невозможно, из-за разлива маленьких речек, и на пути встречались непроходимые в ту пору топкие болота.

Весь февраль обоз шёл до Илимска, в морозные зимние, короткие дни, лошади уставали, да и люди тоже. Ночевали прямо у костров на пихтовом лапнике от мороза спасали собачьи дохи да овчинные тулупы. С питанием было полегче, благо тайга, а в ней глухари, рябчики удавалось несколько раз добыть мясо косули.

В первых числах марта прибыли в Илимск. Остановились на постоялом дворе, коней завели в тёплые стойла, насыпали в кормушки овса, который выдал местный урядник, наверное, служивший старшим конюхом на постоялом дворе. Казаки зашли в тепло натопленный дом барачного типа, где стояли длинный стол и вдоль стен длинные, деревянные лавки.

Атаман Фирсов и Герасим ночевали в доме хозяина постоялого двора Перфильева. От Илимска до Братского острога нужно было проехать ещё верст сто тридцать, утром отдохнувшие казаки двинулись в путь благо дорога была местами трактовая, а местами просто накатанная после вырубок леса. Тёмной ночью обоз прибыл в Братск, на постоялый двор. «Всем отдыхать, завтра работать»- распорядился атаман.

Ранним, мартовским утром Герасим с Фирсовым и два местных землемера переехав Оку выбирали место для нового острога. Надо торопится пока стоит лёд, разобрать старые строения, перевезти на левый берег, а как настанет тепло, возводить новое поселение с башнями и частоколом вокруг. В конце марта

разобрали и успели перевезти все, что требовалось для строительства и за три месяца казаки отстроили новый Братский острог.

В начале июля Дмитрий с половиной отряда казаков на трёх гребных баркасах отправились в верх по Ангаре искать те пахотные земли. Они каждый день проплывали примерно по пятьдесят верст, так как река очень быстрая, стремительная. На протяжении многих верст по обеим берегам стояла стеною не тронутая, не проходимая тайга, по вечерам донимали мошка, комары, да и прочий гнус. На шестой день плавания они остановились в устье реки Оки, но место им не понравилось у местных аборигенов они узнали, что выше в верховьях Ангары есть такие места, что живут там буряты-булаганы охотники, соболевщики. Леса там намного меньше, а вокруг их стойбищ простираются огромные луга, и степи, но туда надо ещё три дня плыть.

Пополнив у местных продзапас казаки двинулись дальше, и точно, берега стали попадаться заросшие густым ивняком а по сторонам было видно много открытой местности. Может здесь эти места пашенные.

Причаливания к берегу Дмитрий и Герасим сошли на берег поднялись на взгорок и увидели метрах в двухстах три юрты, навесы, огороженные забором.

-Ну, что подойдем? Спросил Фирсов Герасима-

-Пошли, ответил Герасим, поставляя пищаль на ремне за спиной.

Юрты принадлежали старому буряту по прозвищу Сидорка и его двум сыновьям. Навстречу бежали с громким лаем две серые собаки, не обращая на них внимания Герасим открыл ворота по приветствовали старика который сидел возле очага и покуривал трубку.

- Здравствуй хозяин и для понятия протянул руку и кивнул головой.

- Сан бай нэ, кивнул хозяин головой.

- Красивая у Вас местность, небольшие сопки покрытые густым лесом, рядом от берега луга, а дальше все степь, степь. Видно, было как пасется скот в далеке. Хозяин, что-то сказал на своём языке, и шустрый парнишка лет семи убежал к соседним юртам. Через несколько минут пришли сыновья Сидорки, Батор и Ундур. Батор немного понимал и говорил по-русски. Рукой показал в

сторону и непонятными словами объяснил, что там живёт русский врач «коновал», он умеет лечить скот, делает мази из смолы и дегтя, который сам гонит из бересты, заваривает травы. Этим и живёт, что помогает всем в округе с лечением живности, да и тех людей, которые болеют. Из юрты вышла молодая женщина и направилась во двор, Герасим мельком заметил её лицо с узкими глазами и длинной косой чёрных как дёготь волос. Батор жестами объяснил сестра наша Ааюна.

- Ну что пойдём к «коновалу» пусть расскажет, что да почём.

-Пошли Герасим, посматривая в ту сторону куда пошла девушка.

«Коновалу» на вид было лет за пятьдесят, он сидел чистил рыбу, заметив приближающихся казаков вытер тряпкой руки. Поприветствовав мужиков, он спросил: «Что вам нужно добрые люди?» «Разговор будет не долгим нам нужно разузнать о местности и её жителях». Пригласив обоих в ограду, «Коновал» усадил за стол. Налил из чайника чаю подал чашки гостям.

На вопросы отвечал не спешно, обдуманно. По его рассказам острог нужно поставить в том месте, где река Унга впадает в Ангару. Это немного выше от нашего поселения, и он сможет завтра им показать все, что нужно, там и лес близко заготавливать для строительства. На этом и порешили «Пойдём на берег Герасим, утро, вечера мудренее». Казаки сварили уху, ждали атамана поужинали улеглись на ночлег. Герасим лёг под развесистой березой, смотрел на небо и вспоминал свою Дарью, которая его ждёт или может уже не ждёт... Утром пришёл «коновал» и через пару часов они были уже на месте там где будут строить казаки Балаганский острог.

Герасим два раза был в гостях у Сидорки, ближе познакомился с Аюной, знал, что Сидорка был не против их брака, но Герасима держала его служба в казаках.

Приближалась зима, острог был построен в сроки, и вокруг острога стали селиться русские крестьяне из других регионов России. Они обрабатывали землю, сеяли хлеб, разводили крупно рогатого скота и другую живность.

Внедряли свои ремесла по обработке шкур, мини заводи по выгонке дегтя,

коптильни для заготовки рыбы.

Фирсов в своем донесении Енисейскому воеводе в 1654 году указывал: «Земля богата, а людей в ней много». К приходу русских у балаганских бурят основной экономики перестал быть промысел, хотя ясак взимался из расчета основного эквивалента — соболя, причем по самому высокому тарифу. Очевидно, хозяйство балаганцев было наиболее доходным. Говоря об освоении русскими балаганских земель, следует отметить, что первые русские крестьяне, чтобы начать освоение земледелия в тайге, вынуждены были прибегать к помощи бурят. На этой основе создавалось «складское хозяйство» — вроде товарищества по совместной обработке земли. Можно отправлять в острог отряды казаков для охраны земель и для защиты местного населения. А пока здесь только отряд местного атамана Перфильева. Дмитрий Фирсов благополучно вернулся на службу в Енисейск, Герасим остался и женился на Аюне, они с её братьями построили добротный дом рядом с «коновалом», родили детей сына Герасима и дочь Дарью. Сидорка подарил им коня, корову десятину пахотной земли.

Вот так мой род появился в Сибирской глубинке, Герасим, Герасим Герасимович, Петр Герасимович, Аким Петрович, Иван Акимович, Георгий Иванович и я Петр Георгиевич мои дети, внуки, правнук.

Пётр Бережных.